
Время стремительно отматывалось назад. В памяти Шэнь Цзя постепенно оживала картина того дождливого дня. Как тогда выглядел Чжоу Цзыфэй, он уже не помнил, но своё собственное положение запомнил до малейших деталей.

Семь лет назад они с Юй Сянханом заканчивали университет. Планировали пожениться, купить квартиру в этом городе и свить собственное гнездо. Ради этого Шэнь Цзя отдавал подработкам всё свободное от учёбы время, а Юй Сянхан рассылал резюме и бегал по собеседованиям. Жизнь тогда была суровой; каждый день Шэнь Цзя выматывался настолько, что у него не оставалось сил даже на еду.

— Сяо Шэнь, сходишь потом в строительный магазин, заберёшь кое-что?

— Хорошо, дядя Хэ.

Шэнь Цзя поднял испачканное лицо. На белых щеках чернели полосы сажи, но глаза с прищуром улыбались — влажные, лучистые, точь-в-точь как у бездомного котёнка, что с надеждой заглядывает в глаза прохожим и цепляется лапками за штанину.

Он поднялся. Старая футболка была вымазана красной краской — только что подновлял вывеску над лавкой дяди Хэ. Чуть длинноватые джинсы несколькими отворотами лежали на чёрных кедах. Человек, который только что сжимался на корточках в невнятный комочек, распрямившись, оказался ростом под метр восемьдесят — высокий, вытянутый, но такой тонкий и хрупкий, что изяществом стана мог соперничать с худенькой девушкой.

Дядя Хэ взглянул на хмурое, налившееся свинцом небо и с сомнением произнёс:

— Кажется, дождь собирается. Давай я кого-нибудь с тобой отправлю?

— Не нужно, дядя Хэ, я сам.

Шэнь Цзя взялся за руль тяжёлого старого мопеда; мышцы на предплечьях натянулись, под бледной кожей проступили голубоватые венки.

— Ладно, только осторожнее там!

Откликнувшись на напутствие, Шэнь Цзя завелся и поехал. Едва он выехал за ворота, как на землю упали первые тяжелые капли. Дождь стремительно набирал силу, и Шэнь Цзя, выкрутив ручку газа, решил срезать через переулок.

— Мать твою, отвечай! Кому говорят, отвечай, тварь!

— Всё ещё сбежать надеешься? Посмотри на себя, рыпнешься ещё?!

Потоки воды застилали глаза. Сквозь мутную пелену ливня Шэнь Цзя разглядел двух мужчин, жестоко пинавших лежавшего на асфальте подростка.

Парень был щуплым, намокшие тёмные волосы прилипли к мертвенно-бледным щекам. Белая школьная форма насквозь промокла и налилась алой кровью, расплывавшейся всё шире и шире.

Дыхание Шэнь Цзя перехватило. Пальцы мёртвой хваткой впились в руль, в горле встал ком. В груди животным инстинктом вспыхнуло единственное желание — сбежать. Это было не в его силах. Он ничего не мог сделать — точно так же, как и сотни раз до этого.

Воспоминания захлестнули его мутной волной.

Когда Шэнь Цяньлун валил Лу Хэ на пол и жестоко избивал, маленький Цзяцзя мог лишь вцепляться в отцовскую ногу, заходясь в крике: «Не бей маму!», пока его не отбрасывали сокрушительным пинком. Когда его самого в детстве запирали в тёмном подвале и истязали, он мог лишь сжиматься в комок и глотать слёзы.

Он бессилен.

Ему нельзя вмешиваться.

Он не справится.

Но глядя, как истекающий кровью подросток из последних сил ползёт по грязи, Шэнь Цзя почувствовал, как внутри что-то надломилось.

Он вспомнил лето после выпускных экзаменов. Вспомнил, как Юй Сянхан оттолкнул его, приняв на себя удар ножа Шэнь Цяньлуна. Тогда Сянхан лежал у него на руках, алая кровь заливала школьную рубашку, лицо его побелело от боли, крупным потом выступала дрожь, но он всё равно пытался улыбаться и шептал:

«Не бойся, я защищу тебя... Мы уедем в другой город, и больше никто и никогда тебя не тронет. Цзяцзя, не бойся...»

Его возлюбленный был куда храбрее. Он мог без колебаний встать против обнажённого клинка, спасая его снова и снова. Встречая горячий, незыблемый взгляд Юй Сянхана, Шэнь Цзя часто сгорал от стыда и собственной ничтожности — ведь именно его трусость и мягкотелость были для Сянхана вечной обузой.

Но в глубине души Шэнь Цзя тоже лелеял тайную мечту: стать защитником.

Как же он хотел хоть однажды встать впереди, заслонить собой того, кого любит, стать для него надёжной стеной!

И ради этого он изо всех сил пытался измениться. Стать капельку сильнее. Капельку мягче. Терпеливее. И... хотя бы немного храбрее.

Ливень стеной валил с неба. Промокшая насквозь футболка липла к хрупкой талии, но в груди Шэнь Цзя разгорался жар. Сердце глухо и мощно колотилось о рёбра от дикого, ледящего страха.

«Шэнь Цзя, не бойся».

Увидев, что движения парня затихают и он вот-вот сдастся, Шэнь Цзя до упора выкрутил ручку газа. Мотор взревел, и старый мопед снарядом рванул вперёд.

Встречный ветер с силой хлестал мокрыми прядями по щекам, ливень застилал глаза, но Шэнь Цзя широко раскрыл их, не мигая впившись взглядом в фигуры нападавших.

Это был единственный, безумный порыв храбрости за всю его жизнь.

Он не знал, что топорщилось у тех двоих за поясами, не понимал, что означали стальные блики, мельком блеснувшие в их карманах. А может, прекрасно всё понимал, но ему нужно было притвориться слепым, чтобы не отступить перед собственным решением. Только так он мог заглушить животный ужас и попробовать стать настоящим защитником.

— Эй! Ты что творишь?!

— Стой, сука, стой!.. А-а-а!

Сжав губы в узкую линию, Шэнь Цзя утопил газ до отказа. Мопед, подобно пущенной с тетивы стреле, на полной скорости врезался в отморозков. Те даже не успели уклониться: с диким воплем оба полетели кувырком прямо в газонную клумбу и затихли, не в силах подняться.

Шэнь Цзя даже не глянул в их сторону. Выдернув из корзины на руле старый зонт, он бросился к скрючившемуся на асфальте подростку.

— Парень, всё хорошо... Всё кончилось, слышишь?..

С громким щелчком купол зонта раскрылся, укрыв их от потоков воды маленьким островком сухости.

Опустившись на колени, Шэнь Цзя отчаянно вглядывался в залитую кровью форму, пока не заметил глубокую рваную рану от ножа. Края плоти разошлись, нажурчав лужу горячей алой жидкости. Пальцы Шэнь Цзя мелкой дрожью забились от страха, но он всё равно изо всех сил зажал рану, пытаясь остановить кровотечение.

Скорую и полицию он уже вызвал, но когда они приедут — неизвестно.

Глядя на алые пятна на руках, Шэнь Цзя не мог сдержать слез, которые тут же смывал ливень. Давясь сухими всхлипами, он изо всех сил старался сохранить рассудок и без конца звал подростка, чьи веки отчаянно смыкались:

— Не спи! Смотри на меня, слышишь?! Не закрывай глаза!

«Пожалуйста, живи. Сдержись, продержись ещё немного. Не бойся, я с тобой, я никуда не уйду».

Эти слова адресовались не только раненому мальчишке — он кричал их самому себе из прошлого, тому маленькому беспомощному Цзяцзя, запертому в темноте. Бледное, искусанное лицо мальчишки размывалось, сливаясь с его собственным детским образом.

Тогда он не смог спасти себя. Не смог принять тот удар ножа за Юй Сяньхана.

Но сейчас...

Шэнь Цзя сжал его ледяную ладонь. Горячие слёзы вперемишку с каплями дождя падали на вымазанные в грязи щёки подростка.

Сквозь шум ливня его сорванный голос звучал почти отчаянно:

— Не спи! Открой глаза! Смотри на меня! Попробуй ещё раз... Ради самого себя, выкарабкайся!

— Гражданин, отодвиньтесь, не мешайте!

— Быстро, марлю сюда!

Голоса врачей звучали отрывисто, сухо, без лишних эмоций. Кто-то мягко, но властно оттеснил Шэнь Цзя назад. Он опомнился, уже стоя за кольцом спасателей, и заворожённо смотрел, как фельдшеры склонились над раненым.

Вдали, разрывая тишину, завывали полицейские сирены. Из клумбы всё ещё доносились стоны сбитых бандитов.

Шэнь Цзя очнулся. Прежде чем сине-красные прожекторы полицейских машин озарили улицу, он тенью скользнул сквозь толпу глазющих и поднял с асфальта помятый мопед.

Уже садясь в седло, он на мгновение оглянулся. Сквозь мелькание суетящихся людей он успел разглядеть, как на раненого мальчишку накладывают тугую повязку и укрывают плотным одеялом.

Жив. Этого достаточно.

Он крутанул ручку газа. Чужая кровь на руках быстро смывалась потоками дождя, стекая в грязные лужи под колёсами. Старый двигатель чихнул, затарахтел, и мопед устремился прочь, оставляя за собой лишь сизый шлейф выхлопа. Грохот мотора и шумящий ливень заглушили любые возгласы, которые могли лететь ему вслед.

Шэнь Цзя не обернулся. Он уезжал всё глубже в холодную стену дождя, пока их судьбы со спасённым им парнем разлетались в противоположные стороны.

Он не знал, что с этой самой минуты человек по имени Чжоу Цзыфэй начнёт искать его по всему городу. И будет любить его — молчаливо, безответно, но с оглушительной, разрушительной силой.

Пока они не столкнулись в прохладе круглосуточного магазинчика летним вечером.

Пока Чжоу Цзыфэй не увидел его с высоты трибун — когда тот в одиночку мчался по ревущему треку.

Пока они не встретились в опустевшем детском саду в тихих сумерках.

И пока, наконец, в грязи и отчаянии не оказался сам Шэнь Цзя.

А тот хрупкий мальчишка из прошлого не вырос и не пришел за ним — сияющий, готовый без колебаний броситься в любой огонь, чтобы спасти его.

Не было никакого «предначертания судьбы».

Была лишь долгая, упорная, болезненная любовь Чжоу Цзыфэя, которая спустя столько лет наконец получила свой отклик.

— Почему... почему ты не рассказал мне раньше? — прошептал Шэнь Цзя.

Слёзы дрожали на его ресницах, готовясь вот-вот сорваться. Он смотрел на Чжоу Цзыфэя совершенно ошеломлённо.

Как выразить любовь?

Я никогда не называл ему своего имени.

Разлучившись, мы больше не встречались.

И лишь тоска каждого дождливого дня сжигала меня изнутри.

Как об этом сказать?..

Кадык Чжоу Цзыфэя судорожно дернулся. Он не мог вымолвить ни слова, лишь уголки его глаз болезненно покраснели.

— Ты все эти годы... искал меня?

Вне себя от потрясения, Шэнь Цзя сделал шаг назад и налетел коленом на стул. Ноги подкосились, и он беспомощно опустился на сиденье, оперевшись о край стола.

О том случае из прошлого Шэнь Цзя почти не вспоминал. В тот же вечер он, помнится, радостно хвастался Юй Сянхану, что вытащил из беды школьника. Но Сянхан лишь погладил его по голове с мягким снисхождением:

— Подумаешь, мелочь какая. И стоит из-за этого так радоваться? В следующий раз будь осторожнее и не лезь куда не просят.

Тогда в груди остался странный, горький осадок. Шэнь Цзя подумал: «И правда, ерунда какая. Зачем вообще рассказал?».

Он просто кивнул Юй Сянхану, похоронив глубоко внутри надежду на похвалу — точно проглотил незрелый, горький плод.

А потом потянулись дни, наполненные суетой, бытом, ссорами и примирениями вокруг Юй Сянхана. После свадьбы, оглядываясь назад, Шэнь Цзя помнил лишь то, как тяжело им приходилось, но они выстояли, вместе построили дом, обрели своё, казалось бы, идеальное счастье.

И вот только теперь кто-то открыл ему правду: пока он отдавал себя другому, день за днём, год за годом рядом был тот, кто непрерывно смотрел на него, берёг и искал.

В голове Шэнь Цзя царила гулкая пустота.

Что это было? Шок от запоздалой правды? Страх перед этой невидимой, неотступной слежкой? Или глубинное трепетное потрясение перед преданностью длиною в семь лет?

— Ты не устал? — прошептал Шэнь Цзя, опустив голову. Голос его совсем осел. — Неужели... оно того стоило?

Раздались тихие шаги. В поле его зрения появилась знакомая ярко-красная шевелюра.

Чжоу Цзыфэй опустился на колени перед его стулом, сжал его зазябшие ладони и улыбнулся — как делал всегда, вот только кончики его бровей еле заметно дрожали.

— Разве можно устать от любви?

Если любишь по-настоящему, усталость невозможна. Он боялся лишь одного: дать слишком мало, сделать недостаточно хорошо. Мечтал, чтобы его просили о большем, требовали, капризничали — лишь бы быть нужным. Лишь бы эта любовь длилась дольше.

— Люби?.. — Шэнь Цзя сквозь слёзы горько усмехнулся, глядя на него с беспомощным отчаянием. — Чжоу Цзыфэй, ты не первый, кто клянётся мне в любви. Как ты можешь гарантировать, что завтра тебе это не надоест?

Задавая этот вопрос снова, Шэнь Цзя сам испытывал к себе тошноту. Но он был подобен бродяге, умирающему от голода: едва проглотив один кусок, он тут же в панике думал о том, где добыть следующий.

Сегодня ты любишь. А завтра? А через год? Через десять лет? Ты всё так же будешь любить меня?

За шесть лет брака с Юй Сянханом он испил всю чашу: знал и нежность, и горечь, и радость, и

унижение. Он вложил в этого человека всего себя, без остатка. А в день, когда узнал об измене, с ужасом осознал, насколько смешной и растоптанной оказалась его жертва.

Шэнь Цзя сотни раз повторял себе: искренней любви в этом мире для него нет. Ведь даже тот, кто божился защищать его ценой жизни, изменился уже на третий год совместной жизни.

Как же ему теперь поверить, что чья-то любовь может оказаться вечной и незыблемой?

— Поэтому, Цзяцзя, дай мне время всё доказать, — Чжоу Цзыфэй поднял взгляд и бережно стёр слезинку с его щеки. Его сухая, тёплая ладонь мягко приласкала бледное лицо. — Не заставляй себя верить мне прямо сейчас. Ты ведь знаешь меня по-настоящему всего полгода, а впереди у нас ещё длинный путь. Дай время и себе — чтобы убедиться в моих чувствах. Я ждал семь лет. Неужели я не подожду ещё немного?

Раньше Чжоу Цзыфэй часто размышлял: а что, если Шэнь Цзя никогда не ответит взаимностью? Что, если они сойдутся, но Цзяцзя потом решит уйти? Первыми в голову лезли самые дикие, безумные мысли — силой, обманом, кандалами, но удержать!

Но потом он вспоминал Шэнь Цзя в тот дождливый день.

Хрупкий, с бесконечно добрыми глазами, а его пальцы сжимали раненую руку с такой отчаянной силой, будто выкрикивали: «Живи!».

Он был слишком хорошим человеком. Прошёл через ад, падал на самое дно, но каждый раз находил в себе силы подняться. Его слёзы не были слабостью, его отступления не были трусостью — он просто выживал, защищаясь изо всех сил своего надломленного тела.

Как он мог запретить такого Шэнь Цзя в клетке своих эгоистичных желаний?

Шэнь Цзя заслуживал свободы. Заслуживал быть счастливым.

Он должен был быть похож на кота, греющегося на солнечном газоне: подставлять животик под ласковые глажения, купаться в любви, а потом, фыркнув, гордо вскинуть хвост и отправиться навстречу собственным мечтам.

— А если мне не хватит и нескольких лет? — едва слышно, словно вздохнув, спросил Шэнь Цзя.

— Тогда у меня есть вся жизнь.

— Это предложение?

Чжоу Цзыфэй замер. Помолчав секунду, он бережно поднёс к губам левую руку Шэнь Цзя и с благоговением поцеловал основание безымянного пальца.

— Малыш, брак — вещь серьёзная. Он не должен быть козырем для скрепления обещаний. Я не хочу, пользуясь твоим состоянием и этой временной беспомощностью, подталкивать тебя к такому шагу. Но можно... я забронирую это место первым?

Он слегка прикусил мягкую подушечку у основания пальца, а затем вскинул брови. В его глазах расплылась бесконечная, тёплая ласка.

— Не волнуйся, Цзяцзя. Что касается свадьбы... поверь, я жду этого куда сильнее тебя. Ты даже не представляешь, как безумно я хочу стать твоим законным мужем.

Сердце Шэнь Цзя ёкнуло. Под тёплым дыханием Чжоу Цзыфэя его пальцы слегка вздрогнули, но он не стал отнимать руку.

Тот, кого никогда в жизни не выбирали безоговорочно, наконец встретил человека, для которого существовал только он один.

Когда Чжоу Цзыфэю было пятнадцать, у Шэнь Цзя уже был возлюбленный.

Когда Чжоу Цзыфэю исполнилось шестнадцать, Шэнь Цзя стал чужим мужем.

В семнадцать лет Чжоу Цзыфэя он купался в радостях первых месяцев брака.

В восемнадцать — его жизнь казалась идеальной и устроенной.

В девятнадцать — треснул замок его иллюзий, когда открылась мерзкая правда.

Прошёл год, другой... Три долгих года.

И вот, когда Чжоу Цзыфэю исполнилось двадцать два, всё, чем жил Шэнь Цзя раньше, обратилось в прах.

Но на этот раз человек, молча берегший его семь лет, вернул ему весь мир.

Даже к самому институту брака — разбитому и растоптанному в прошлом — Чжоу Цзыфэй относился с трепетом. Он не спешил заграбастать его себе, а был готов ждать всю жизнь, пока Шэнь Цзя сам, по своей воле, снова не поверит в счастье.

Шэнь Цзя затаил дыхание. В груди разлилась сладкая, удушающая тоска.

Он крепче сжал широкую ладонь Чжоу Цзыфэя и провёл взглядом по его лицу: по выразительным бровям, влажным губам, по сильным предплечьям с засученными рукавами.

Страсть. Дикое, неистовое желание соединиться с этим человеком захлестнуло его волной.

— Давай сделаем это, — тихо произнёс Шэнь Цзя в полумраке гостиной. — Чжоу Цзыфэй... я хочу тебя.

Заметив, как тот опешил, Шэнь Цзя сам потянул его за руку.

Под ласковыми, горячими пальцами Чжоу Цзыфэя его истощённое, измученное болезнью тело словно пробуждалось от долгого сна, наполняясь жизнью.

Слёзы блестели в глазах Шэнь Цзя, пока он смотрел на потолочный светильник, положив ладонь на затылок Чжоу Цзыфэя. Жесткие, густые волосы немного покалывали кожу; Шэнь Цзя вздрогнул, пытаясь отстраниться, но горячие пальцы крепко сжали его колени, удерживая на месте.

— Малыш... не уходи, — раздался хриплый, сдавленный голос, и его тут же обволокло влажное, жадное тепло.

— М-м-ах!.. — Шэнь Цзя вцепился пальцами в красные пряди, не в силах сдержать стон.

Его глаза мгновенно увлажнились, подёрнувшись туманной пеленой, дрожащие ресницы слиплись, а брови мучительно сдвинулись от ласк — то глубоких, то поверхностных, то нежных, то почти агрессивных.

Это было слишком безудержно, словно его пытались поглотить целиком.

От острого, пронзительного чувства лебединая шея Шэнь Цзя покрылась розовыми пятнами, а аккуратный кадык судорожно ходил вверх-вниз. Вскоре он не выдержал и тонко, жалобно закричал — длинным, сладостным всхлипом, затихавшим в дрожащем эхе.

Чжоу Цзыфэй сглотнул, после чего ласково провел языком, убирая следы ласки и успокаивая его.

Едва Шэнь Цзя решил, что получит передышку, Чжоу Цзыфэй поднялся с колен.

Наклонившись, он с новой, не насытившейся страстью ввел губами в его кожу.

Мышцы на прессе младшего натянулись под хлопковой футболкой, а сильные, горячие руки стальным кольцом обхватили ослабевшую талию Цзяцзя.

— Не... не надо так кусать... Цзы-Цзыфэй...

Шэнь Цзя попытался оттолкнуть его, ухватив за красные волосы, выбившиеся из-под ворота.

— А-а-х!..

Он выгнулся дугой, круто заломив изящную талию; бедра невольно сжались, зажимая стоящего перед ним на коленях парня.

Колено Шэнь Цзя случайно задело бок Чжоу Цзыфэя, и тот, потеряв контроль, ощутимо прикусил чувствительную плоть.

— Угх!..

Шэнь Цзя задрожал всем телом и с силой потянул его за волосы, пытаясь оттащить. Острая боль на затылке прошла позвоночник Чжоу Цзыфэя разрядом тока. Дыхание его стало тяжелым, сорванным, руками он сжал Цзяцзя еще сильнее.

— Мне... мне нужно в ванную... Отпусти, пожалуйста!..

Шэнь Цзя пытался вырваться — напор был слишком диким, ощущения смешались в сплошную вспышку, но Чжоу Цзыфэй будто оглох.

— Не надо... перестань!

Он слабо поколотил кулаками по взмокшей спине парня, но тот даже не шелохнулся. Слезы градом катились по горячим щекам Шэнь Цзя, на лице проступала беспомощность.

Хотя он сам попросил об этом, Чжоу Цзыфэй сейчас был куда безудержнее, чем обычно, ломая все его барьеры.

Дрожа от задыхающихся всхлипов, Шэнь Цзя закусил губу и начал умолять:

— Чжоу... Муж мой, отпусти... Умоляю тебя, а-а-а!..

Но плач и мольбы лишь подлили масла в огонь, сокрушая остатки самоконтроля.

Чжоу Цзыфэй отвёл липкие пряди с его лица, покрывая нежные щёки безустанными поцелуями и лёгкими укусами. Голос его звучал глухо, пьяняще, с бесконечным ласковым шёпотом:

— Ты моё сокровище... разве я могу причинить тебе боль? Я сделаю так, чтобы тебе было хорошо. Ты ведь тоже этого хотел, правда? Дай я поцелую тебя... сначала позабочусь о своём сокровище... Цзяцзя такой красивый... Вот так, положи руки сюда... Скоро, совсем скоро...

Шэнь Цзя блаженно застонал и наконец обвил ладонями его мускулистое предплечье, сдаваясь и показывая, что готов.

А потом обрушился шторм. Шэнь Цзя превратился в единственного пассажира хрупкой суденки посреди бушующего океана, которому оставалось лишь мёртвой хваткой вцепляться в мачту.

В комнате размеренно тикали часы. Стрелки сошлись ровно на двенадцати ночи.

Лишь когда за окном затеплился рассвет, буря в спальне затихла. Чжоу Цзыфэй опустился рядом и сгрёб совершенно обессиленного, размякшего Шэнь Цзя в объятия.

— Сокровище... Цзяцзя...

Он позвал его несколько раз, слегка похлопав по горячей, влажной от пота щеке, возвращая к реальности.

Усаженный к нему на колени, Шэнь Цзя всё ещё мелко вздрагивал. Его приоткрытые губы блестели, глаза мутно смотрели в потолок, а намокшие ресницы слиплись в уголках. Он выглядел абсолютно изнемождённым.

Чжоу Цзыфэй нахмурился, подтянул его выше и начал покрывать поцелуями мокрое от слёз лицо, непрерывно зовя по имени.

Прикосновения губ наконец вернули Шэнь Цзя затуманенный разум. Он медленно моргнул и перевёл блестящий взгляд на Чжоу Цзыфэя.

— М-муж... полегче...

Голос звучал сипло, с сильной гнусавостью — парню явно ещё казалось, что всё продолжается.

Чжоу Цзыфэй ласково провёл ладонью по его гладкой спине и шепнул на ухо:

— Всё-всё, сокровище, больше не буду. Пойдём помыться, м-м?

Шэнь Цзя уткнулся лицом в его влажную грудь, тихо тиснул и потрелся лбом о кожу.

Это была чистейшая ласка: он соглашался пойти в ванную, но просил еще минутку просто полежать так.

Чжоу Цзыфэй, как дипломированный эксперт по «Языку Цзяцзя», мгновенно уловил этот посыл. Он крепче обнял его, слегка покачивая в руках, и непрерывно поглаживал по спине.

— Ну всё-всё, устало моё сокровище. Муж виноват, больше не буду. Сейчас отмыкаю тебя, сделаю чистеньким, пахучим и уложу в постельку. Спать хочешь? Может, прямо сейчас уснёшь?

Убаюкивающий шёпот Чжоу Цзыфэя действовал лучше любого снотворного. Шэнь Цзя смежил веки и, сам того не заметив, заснул прямо у него на груди.

— Малыш?..

Заподозрив неладное, Чжоу Цзыфэй опустил голову и бережно отвёл волосы с его лица. Шэнь Цзя уже сладко спал, тихонько посапывая.

Белая щека Цзяцзя прижалась к крепкой груди, отчего кожа мило сбоку присобралась, будто детская припухлость. В этих руках он спал абсолютно безоружно, с беспредельным доверием.

— Как поросенок...

Чжоу Цзыфэй невольно улыбнулся, слегка ужалил пальцем его мягкую щёку и нежно поцеловал.

Шэнь Цзя проснулся от невыносимой жары. Во сне он будто отмачивался в горячем источнике: вода обжигала, пот лил ручьями, но выбраться не получалось.

Морщась и насупившись, с пылающими щеками и капельками пота на висках, он наконец пробормотал сквозь сон: «Жарко...» — и открыл глаза.

Увиденное заставило его залиться краской: вся грудь и плечи Чжоу Цзыфэя были покрыты царапинами и следами укусов, кое-где даже проступала запекшаяся кровь.

Шэнь Цзя осторожно повернулся. В горле пересохло, словно в пустыне. На счастье, на тумбочке стоял стакан воды. Он потянулся к нему, но дотянулся лишь кончиками пальцев.

Едва он окончательно измаялся, как сверху протянулась загорелая мужская рука и подхватила стакан.

— Зачем мучиться, почему меня не позвал? — бархатистый, довольный голос Чжоу Цзыфэя раздался у самого уха, заставив мурашки пробежать по коже Цзяцзя. — Ну-ка, сокровище, присядь повыше и укутайся получше.

Чжоу Цзыфэй привлек его к себе вместе с одеялом. Прислонившись к его груди, Шэнь Цзя пил воду из его рук мелкими глотками. Поперхнулся с непривычки, но Чжоу Цзыфэй тут же заботливо похлопал его по спине.

— Еще хочешь? Налить еще?

— Не... больше не надо.

Смущенный Шэнь Цзя попытался пошевелиться, но вся поясница и ноги отозвались тупой болью. Признаться было стыдно — сам же напросился.

Но уже в следующее мгновение горячая ладонь Чжоу Цзыфэя легла на его поясницу и принялась умело, мягко разминать затекшие мышцы.

Они сидели в тишине, прижавшись друг к другу. После открывшейся правды у Шэнь Цзя наконец появился повод поверить: любовь Чжоу Цзыфэя не возникла из ниоткуда. В нем, в Шэнь Цзя, действительно было нечто, за что его можно было полюбить.

— Цзыфэй, почему ты не рассказал мне об этом раньше? — снова спросил Шэнь Цзя, глядя ему в глаза. Его еще влажный взгляд был полон серьезности.

Узнай он это раньше... сложилось бы всё иначе?

Теперь, когда первая буря улеглась, Шэнь Цзя начал трезво осмысливать случившееся. И вдруг понял: узнай он об этом раньше, он наверняка решил бы, что вся забота Чжоу Цзыфэя — лишь попытка отплатить за спасение. И он ни за что не поверил бы в настоящую любовь, считая её

банальной благодарностью должника.

— Боялся, что ты посчитаешь меня... ненормальным, — признался Чжоу Цзыфэй после долгой паузы.

— Ненормальным?

— Ну... извращенцем каким-то. Посуди сам: спасли в пятнадцать лет, и с тех пор влюбился, следил из тени столько лет... Звучит как бред маньяка, правда?

Голос его становился всё тише. Чжоу Цзыфэй уткнулся носом в плечо Цзяцзя и потерялся о его шею.

Шэнь Цзя невольно погладил его по жестким волосам.

— П-правда?..

Он ожидал услышать о страхе показаться корыстным, но точно не об этом.

Прижав его к себе крепче, Чжоу Цзыфэй вспомнил слова доктора Шэнь:

«Я настоятельно рекомендую господину Чжоу пока не раскрывать эту правду Шэнь Цзя. В его нынешнем состоянии он невероятно уязвим. Узнав об этом, он может воспринять информацию как тяжелое бремя, что помешает терапии. Но ориентируйтесь по ситуации: если он снова усомнится в причинах вашего присутствия рядом, расскажите. Это поможет ему понять, что он достоин любви и обладает собственной ценностью».

Тщательно подбирая слова, Чжоу Цзыфэй прошептал:

— Малыш... ты даже не представляешь, каким ты мне тогда казался...

В реальной жизни Шэнь Цзя почти никогда не слышал похвалы. Возможно, поэтому на любое одобрение он отзывался сомнением и желанием сбежать, чувствуя себя недостойным. Но сейчас он замер и прислушался. Спустя семь лет то самое чувство, заглухшее тогда от слов Юй Сянхана, вспыхнуло вновь.

— Ты выглядел настолько храбрым! Как настоящий супергерой из кино: налетел на своём мопед и вырвал меня из лап смерти!

Чжоу Цзыфэй с забавным воодушевлением взмахнул рукой. Шэнь Цзя залился краской, потянул его за рукав и тихо пробормотал:

— Глупости говоришь...

— Какие ещё глупости? Я говорю то, что чувствовал! Тот твой отчаянный, гордый вид я помню до сих пор.

Шэнь Цзя зажал ему рот ладонью, умоляя замолчать, но его прищуренные глаза сияли, словно в них рассыпали горсть бриллиантов.

Чжоу Цзыфэй с улыбкой осторожно взял его за подбородок, заставляя поднять лицо, и взглянул прямо в глаза с глубокой, торжественной искренностью:

— Цзяцзя, ты мой герой. Спасибо, что тогда, рискуя собой, спас меня. И спасибо небу за то, что послало мне самого храброго и самого доброго котёнка в мире.

Прямота Чжоу Цзыфэя, его взгляд, полный безграничной нежности, гордости и трепета, заставили слёзы снова подступить к глазам Шэнь Цзя.

— Я... я...

Слова «я не такой» застряли у него в горле. Чжоу Цзыфэй с такой искренностью назвал его самым храбрым и добрым котёнком. И Шэнь Цзя действительно почувствовал себя маленьким котёнком, которого ласково гладят по голове, и которому хочется лишь довольно мурлыкать и трусить хвостиком.

Со дня ухода Лу Хэ никто и никогда так не хвалил его. Он был «брошенным никому не нужным» ребёнком своей матери, «гадким и ненавистным» сыном своего отца. В ушах до сих пор звенели издевательства сверстников, а после нескольких лет пропущенной школы он вернулся к учёбе угрюмым, молчаливым «уродцем».

Даже Юй Сянхан, любовь всей его молодости, пробывший с ним десять лет, никогда не смотрел на него с таким восхищением, никогда не признавал его ценности.

Губы Шэнь Цзя задрожали, и он вдруг громко, навзрыд зарыдал.

Словно обиженный до глубины души ребёнок, не помня себя от слёз, он уткнулся лицом в грудь Чжоу Цзыфэя, судорожно вцепился в его одежду и забился в отчаянных всхлипах.

Когда же это произошло? Когда единственным местом, где он мог спать без страха, стала грудь Чжоу Цзыфэя? Когда единственным пристанищем, где он мог плакать навзрыд, стали эти объятия?

За окном окончательно расцвело. Солнечный луч, пробившись сквозь щель в шторах, мягко лег

на лицо Шэнь Цзя, осветив заплаканную щёку и покрасневший нос.

Тёмное тучевое облако, висевшее над ним долгие десятилетия, наконец начало рассеиваться.

<http://bllate.org/book/19971/1986058>